

t». ~ - "VTZ.

ние которых не подготовлено современным состоянием науки. В частности, к их числу можно отнести авторское положение, сопровождаемое, впрочем, некоторой оговоркой, о наличии смешанных - пиджинов и креолизованных - языков [см. с. 133-137] при невозможности объективного обоснования порога смешанности. Педантичный рецензент мог бы найти и некоторую совокупность вопросов, получивших в труде относительно белое освещение. Например, ему, очевидно хотелось бы видеть самостоятельную главу, посвященную понятию языкового союза, поскольку последнее ложится в основу особой классификации языков, базирующейся на ареальном истолковании их сходств. В более широком раскрытии нуждается, на наш взгляд, и понятие праязыкового состояния, которое оказывается весьма скупо отраженным и в большинстве других упомянутых выше руководств по исторической лингвистике.

Техническое исполнение книги заслуживает самой высокой оценки. Пользование работой облегчают содержащиеся в ней таблицы, схемы и карты. Вводимая по ходу изложения терминология выделена особым шрифтом. В конце книги имеется сводный библиографический список, учитывающий и литературу начала 90-х годов, а также предметный указатель. Текст почти лишен опечаток (отметим International вместо Internal и ossements вместо ossements на с. 321). Досаден лишь недосмотр на с. 106, где во фразе, иллюстрирующей структуру эргативной конструкции предложения, в имени субъекта транзитивного глагола отсутствует характерный его падежный показатель.

В целом рецензируемая книга адекватно отражает теорию и методику различных аспектов современного историко-лингвистического исследования. Она отчетливо свидетельствует о том, насколько это направление науки о языке обогатилось целеносистемным подходом к языковой структуре в

диахронии. Было бы несправедливым пройти и мимо того обстоятельства, что по объему информации, предоставляемой читателю, работа У. Лемана выходит за рамки учебного пособия для начинающего лингвиста. Знакомство с богатейшим методическим наследием исторического индоевропейского языкознания будет безусловно полезным и для многих лингвистов-историков, работающих за пределами индоевропеистики, сплошь и рядом решающих на своем материале однотипные задачи. Наконец, следует отметить изящную авторскую манеру изложения материала, во многом обусловленную завидным умением автора передавать сложную проблематику науки доступным для начинающего исследователя языком, которое сравнимо с аналогичным даром Э. Сэпира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Barber E.J.W.* 1991 - Prehistoric textiles. Princeton. 1991.
Boretzky N. 1977 - Einführung in die historische Linguistik. Hamburg. 1977.
Bynon Th. 1977 - Historical linguistics. Cambridge. 1977 (перераб. нем. издание: München. 1981).
Fisiak J. 1990 - Historical linguistics and philology. Berlin. 1990.
Hock H.H. 1986 - Principles of historical linguistics. Berlin. 1986.
Jeffers R., Lehide I. 1979 - Principles and methods for historical linguistics. Cambridge (Mass). 1979.
Lehmann W. 1973 - Historical linguistics: an introduction. 2nd ed. N.Y. 1973.
Lehmann W. 1962 - Historical linguistics: an introduction. N.Y. 1962.
Lieberman St.J. 1990 - Summary report: Linguistic change and reconstruction in the Afro-Asiatic languages // Linguistic change and reconstruction methodology. Trends in Linguistics. Studies and Monographs. 45 / Ed. by Ph. Baldi, Berlin-New York, 1990.

Г.А. Климов

A. Martinet. Memoires d'un linguiste: Vivre les langues (Entretiens avec Georges Kassai et avec la collaboration de Jeanne Martinet). - P.: Quai Voltaire, 1993. 383 p.

Андре Мартинет - один из немногих ныне здравствующих лингвистов, который в полной мере осознает себя принадлежащим истории - в первую очередь, конечно, благодаря тому, что он, по общему (и справедливому) мнению, является в наше

время знаменем и воплощением французского структурализма (так называемой "функциональной лингвистики").

Рецензируемая книга - произведение мемуарно-биографического жанра, но это мемуары, написанные лингвистом; поэтому

обсуждение весьма специальных лингвистических вопросов порой занимает в книге целые страницы. Однако в первую очередь это рассказ ученого о своей жизни. Книга имеет подзаголовок, который можно было бы перевести как "жизнь в окружении языков" или "жизнь среди языков" (глагол *vivre* во французском языке способен к ряду транзитивных употреблений, и по-французски можно не только "прожить жизнь", но и "прожить языки"). Книга построена в форме интервью, точнее, бесед, записанных Жоржем Кассаи (одним из учеников Мартине) с участием Жанны Мартине. Впрочем, применительно к этой книге, наверное, более уместно говорить о монологе, тематика и тональность которого полностью определяется самим автором, а деликатные реплики собеседника – лишь сопровождают движение мысли говорящего и оттеняют смену сюжетов. Краткие замечания Жанны Мартине призваны дополнить некоторые биографические подробности.

В двадцати главах книги обстоятельно рассказана вся жизнь Андре Мартине в том виде, как он сам ее помнит и представляет – начиная с детских лет в сельской Савойе (Мартине родился 12 апреля 1908 г. в деревне Сент-Альбан-де-Вийар, в семье школьных учителей; впоследствии семья переехала в Париж) и вплоть до событий самого последнего времени (с 1977 г. Мартине находится в отставке, но достаточно активно продолжает академическую деятельность во всех ее аспектах).

На формирование лингвистических интересов у Мартине, как он сам считает, наложил отпечаток двуязычный характер той среды, в которой протекали первые годы его жизни. В Париже Мартине получил образование филолога-германиста, специализировался по английскому языку и германистике (из двух его докторских диссертаций одна была посвящена экспрессивному удвоению согласных в германских языках, а другая – проблемам фонологии слова в датском языке). В то же время, он достаточно рано начал интересоваться теорией языка и проблемами общего языкознания. В те годы в Европе как раз заявила о себе Пражская школа (прежде всего, фонологическая теория Трубецкого); в начале 30-х гг. завязывается переписка между Мартине и Трубецким. В 1936 г. в "Трудах Пражского лингвистического кружка" выходит одна из первых теоретических работ Мартине по фонологии ("Нейтрализация и архифонема"), положившая начало "фонологическому этапу" научной биографии Мартине и отметившая начало того пути, который

позднее приведет к созданию функциональной лингвистики". К тому же периоду относится и установление личных контактов с Ельмслевым и Ульдаллем (здесь отчасти вмешались и чисто биографические обстоятельства: частые поездки Мартине в Данию были связаны с тем, что эта страна была родиной его первой жены).

Подчеркивая близость своих взглядов к концепциям Пражской школы (для которой "функционализм" – также ключевое слово), Мартине, тем не менее, настаивает скорее на естественном совпадении позиций по многим вопросам, чем на прямом влиянии. В гораздо большей степени Мартине склонен подчеркивать преемственность своих взглядов по отношению к теории де Соссюра; в книге сочувственно цитируется высказывание известного итальянского филолога Туллио де Мауро о том, что Мартине, среди исследователей своего поколения, оказался наиболее близким к соссюрианству по духу – в частности, по сравнению с Ельмслевом, последовательный "антисубстанционализм" которого всегда был чужд Мартине (с. 237). Из числа расхождений со взглядами де Соссюра следует отметить прежде всего отказ Мартине от дихотомии языка и речи (в пользу дихотомии *языка и языков*); это связано не в последнюю очередь с преобладанием фонологической проблематики в теоретических построениях Мартине. Ср., в частности, его определение языка (от которого он не отказывался и в позднейшие годы), выдержанное в духе классического структурализма: "Язык является средством общения, в котором выражается человеческий опыт – различным образом в разных человеческих коллективах; это осуществляется с помощью единиц, обладающих семантическим содержанием и звуковым выражением, называемых *монемами*; указанное звуковое выражение, в свою очередь, обеспечивается дискретными и противопоставленными друг другу единицами, называемыми *фонемами*; их число в каждом языке ограничено, их природа и взаимоотношения также различаются от языка к языку".

Однако классическим структурализмом научное наследие Мартине не исчерпывается; более того, его своеобразие как лингвиста, скорее, заключается именно в том, что он одним из первых стал заниматься в рамках структуралистской парадигмы явлениями, связанными с исторической и социальной *вариативностью* языка. И здесь также немалую роль сыграл личный биографический опыт Мартине.

Как известно, на формирование научного облика Мартине существенный (может быть, даже самый существенный) отпечаток наложили события военных лет и длительное послевоенное пребывание в США. Во время второй мировой войны Мартине недолгое время принимал участие в боевых действиях, попал в плен и оказался в одном из лагерей для французских военнопленных. Не прерывая лингвистических занятий и в этих условиях, Мартине, по его собственным словам, получил в лагере уникальную возможность для наблюдений над территориальной и социальной вариативностью языка, которые позднее обобщил в своей книге о французском произношении (издана в 1945 г., переиздана в 1971) и в других работах. Сразу после войны Мартине был (по инициативе Якобсона) приглашен для чтения лекций в США. Пребывание в США (с 1946 по 1955 г.), где Мартине работал в Колумбийском университете и был одним из редакторов основанного Якобсоном журнала "Word", завершило формирование Мартине как структуралиста особого направления (в частности, с отчетливым интересом к социальным аспектам языка и к закономерностям его исторического развития). Это произошло и под сильным влиянием Якобсона, и в то же время, в силу стремления как-то дистанцироваться от его взглядов, утверждая собственную научную самостоятельность. В книге подробно охарактеризована обстановка тех лет в Америке (этой, по выражению Мартине, в ту эпоху все еще культурной провинции Европы), немало страниц посвящено личности Романа Якобсона, с которым Мартине пережил и тесное сближение вначале, и некоторое охлаждение отношений в последующем (к сожалению, дающее себя знать в разных местах книги). Запоминаются краткие портреты "на фоне времени" других американских лингвистов, в том числе Дж. Гринберга, Ю. Вайнрайха и М. Свадеша.

Естественно, в книге чрезвычайно подробно описана и научная обстановка во Франции до и после 1968 г., утверждение функционализма как самостоятельного течения, отношения Мартине с французскими и иностранными коллегами, и т.п. Не обойдены вниманием и события личной жизни Мартине: браки, разводы, рождения детей, смерти близких, обретение и утрата друзей, жизнь самых близких учеников - все вошло в этот объемистый том.

В отличие от многих других французских лингвистов, Мартине не замкнут на чисто французской проблематике и его кругозор никоим образом не ограничен чисто фран-

цузской научной атмосферой; более того, он не раз подчеркивает, что научное признание его взглядов было более легким и гладким (в известном смысле даже - более триумфальным) именно за пределами Франции. Ученики и последователи Мартине работают ныне практически во всех странах мира - от Конго до Канады, от Сербии до Финляндии. Влияние его школы, бесспорно, велико и во Франции, но (добавим от себя) Франция, с ее традиционным скептицизмом и индивидуализмом научной мысли, неизменно оказывала сопротивление попыткам (пусть даже невольным) утвердить какую-то одну научную школу в качестве господствующей. Кроме того, Мартине полностью игнорирует хомскианское и пост-хомскианское направление, не то чтобы критикуя, а именно величественно не замечая его существования. Несколько реплик в книге Мартине, мимоходом упоминающих Хомского, проливают свет скорее на причины личного порядка, чем на научные основания для такого положения дел. Характерно лаконичное определение термина "хомскианство", помещенное (наряду с определениями некоторых других важных лингвистических понятий) в приложении к книге: «Хомскианство - теория, согласно которой все языки имеют одну и ту же "глубинную" структуру, близкую по своему устройству к наиболее известным западным языкам» (с. 375). Это определение, конечно, далеко не полностью описывает природу теории Хомского и, кроме того, совершенно не учитывает ее позднейших модификаций (в которых роль "глубинной" структуры и трансформационных правил существенно меньше определяет специфику теории). Впрочем, естественно, что функциональная лингвистика остается "автономным государством": для современного этапа развития лингвистики это скорее правило, чем исключение.

Конечно, трудно (да и не следует) пересказывать здесь все содержание книги Мартине. Достаточно сказать, что историк науки найдет здесь для себя массу бесценного материала, свидетельства о событиях в буквальном смысле "из первых уст". Эта задача сильно облегчается благодаря наличию в книге подробного именного указателя, так что ее можно рассматривать и как очень любопытный справочник, содержащий *personalia* едва ли не всей послевоенной лингвистической Европы, не говоря уже о самой Франции. Российские лингвисты могут с признательностью прочесть несколько строчек о молодом студенте Андрее Зализняке, принимавшем участие в

семинарах Мартине по языку басков и ставшем впоследствии первым переводчиком книги Мартине "Экономия фонетических изменений".

Мартине не ретуширует лиц и не склонен к дипломатическому мягкоречию - можно полагать, его роль и возраст дают ему на то право. Мартине помнит все и всех и, кажется, ничего не оставляет не переданным бумаге. Размолвки сорокалетней давности пересказаны так, как будто произошли вчера. Точность и конкретность деталей, неподдельная страстность в соединении с эпической торжественностью вос-

поминаний, "подводящих итоги" - это тоже неповторимая черта стиля Мартине. Если бы существовала такая область знаний, как психология научного творчества, лучшего чтения для специалистов в этой области, чем книга Мартине, нельзя было бы представить. Действительно, мы слишком любим подчеркивать элемент безличного в науке, а ведь она создается живыми людьми, полными страстей, слабостей - но и неповторимого обаяния. Хорошо, что книга Мартине напоминает об этом.

В.А. Плуменя

У.-Ж.Ш. Дондуков. Словообразование монгольских языков. Улан-Удэ: БГПИ. 1993. 194 с.

Вопросы словообразования и словоизменения в трудах монголистов всегда занимали одно из ведущих мест. Можно сказать, что интерес к данной области в последние десятилетия еще более усилился. После широко известных работ Т.А. Бертагаева и Ш. Лувсанвандана, целиком посвященных анализу морфологической структуры монгольских языков и происходящим в их лексике процессам слово- и терминообразования, - появилось немало специальных исследований по проблемам словообразования бурятского, монгольского и калмыцкого языков. Об этом свидетельствуют публикации как самого автора рецензируемого труда, так и других ученых, в частности, Д.А. Сусеевой, М.Н. Орловской, С.Л. Чарекова, Л. Болда, П. Бямбасана, Ц. Унэрбаяна и др.

Однако необходимо отметить, что до последнего времени внимание монголистов в основном было сосредоточено на изучении способов аффиксального словообразования без должного освещения других способов и приемов, а также проблематики дериватологии в целом. Естественно, такой ограниченный подход к изучению словообразовательной системы конкретных монгольских языков не давал возможности представить общую картину их развития. На этом фоне исключением является рассматриваемая монография, выпущенная в свет Бурятским книжным издательством. Ее принципиальное отличие состоит в том, что здесь впервые поставлен вопрос о статусе словообразования как самостоятельной монголоведной дисциплине, призванной изучать все известные в истории монгольских

языков приемы и способы создания разных типов слов.

Автор книги справедливо указывает, что "пути развития, обогащения и обновления лексики монгольских языков до сих пор остаются еще областью, требующей всестороннего и обстоятельного исследования" (с. 12). Исходя из этого автор исследует все действующие в современных монгольских языках способы, средства и модели слово- и терминообразования. Для полноты и необходимой глубины словообразовательного анализа делается экскурс в историю развития бурятского, халха-монгольского и калмыцкого языков. Привлекаются соответствующие факты в виде эквивалентных параллелей из многих тюркских языков Сибири и Средней Азии, а также древнетюркского.

Благодаря применению синхронного и диахронного подходов к изучению явлений словообразования, автору удалось показать динамику деривативных процессов в монгольских языках. Учет современных и исторических данных во многом содействовал выявлению общности и расхождений в средствах, способах и моделях словообразования, степени их продуктивности в разных монгольских языках.

Книга открывается Предисловием, в котором подчеркивается актуальность изучения словообразования монгольских языков, тесно связанного с особенностями структуры слова, его морфемного состава и межморфемных связей. Во Введении дается краткий обзор основополагающих работ по вопросам монгольской дериватологии. Далее следуют шесть глав, в которых на боль-